

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2018
XXVII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1590
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXVII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2018 № 1590

СОДЕРЖАНИЕ

- 1545-1549 Виталий Андреевич Нечаев (1936–2018):
жизнь, отданная птицам. А. А. НАЗАРЕНКО
- 1550-1552 Валентин Дмитриевич Коханов (1934-2017).
И. А. ЗИМИН
- 1553-1558 Евгений Павлович Спангенберг (1898–1968)
(материалы к биографии). Т. К. ДЖУСУПОВ
- 1559-1565 К биологии и распространению большого скального
поползня *Sitta tephronota* в горах Каратау.
В. Г. КОЛБИНЦЕВ
- 1566-1567 О прижизненном определении пола и о соотношении
полов у молодых скворцов *Sturnus vulgaris*.
В. А. ПАЕВСКИЙ, В. Д. ЕФРЕМОВ
- 1568-1569 Различия в поведении большой синицы *Parus major*
и пухляка *Parus montanus* при выборе гнездовой
территории. О. П. СМЕРНОВ
- 1569-1571 Опыт привлечения дуплогнездников
в таёжные леса Карелии. В. Б. ЗИМИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X V I I
Express-issue

2018 № 1590

CONTENTS

- 1545-1549 Vitaly Andreevich Nechaev (1936-2018): life given to birds.
A . A . N A Z A R E N K O
- 1550-1552 Valentin Dmitrievich Kokhanov (1934-2017).
I . A . Z I M I N
- 1553-1558 Eugene Pavlovich Spangenberg (1898-1968)
(materials for the biography). T . K . D Z H U S U P O V
- 1559-1565 To the biology and distribution of the eastern rock-nuthatch
Sitta tephronota in the mountains of Karatau.
V . G . K O L B I N T S E V
- 1566-1567 On in vivo determination of sex and on the sex ratio in young
starlings *Sturnus vulgaris*. V . A . P A Y E V S K Y .
V . D . E F R E M O V
- 1568-1569 The differences in the behaviour of the great *Parus major*
and willow *Parus montanus* tits when choosing a nesting
territory. O . P . S M I R N O V
- 1569-1571 Attracting hole-nesting birds in the taiga forests of Karelia.
V . B . Z I M I N
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Виталий Андреевич Нечаев (1936–2018): жизнь, отданная птицам

А.А.Назаренко

*Александр Александрович Назаренко. Лаборатория орнитологии,
ФНИЦ Биоразнообразия ДВО РАН. E-mail: birds@biosoil.ru*

Поступила в редакцию 14 марта 2018

Дальневосточное орнитологическое сообщество понесло непоправимую утрату: 1 марта 2018 года на 83-м году жизни скоропостижно скончался Виталий Андреевич Нечаев, доктор биологических наук, выдающийся исследователь птиц Дальнего Востока России.

Профессиональная судьба Виталия Андреевича сложилась на редкость успешно. Он родился 1 января 1936 года в семье известного дальневосточного ботаника, профессора Хабаровского педагогического института Андрея Петровича Нечаева и ещё в старшие школьные годы принимал участие в экспедиционных поездках своего отца. Ему также очень повезло с учителями. По окончании в 1957 году Хабаровского пединститута и спустя положенное число лет работы учителем в сельской школе он в 1960 году был принят в качестве лаборанта в отделение орнитологии Зоологического института АН СССР (ЗИН) в Ленинграде, где под руководством известного орнитолога Леонида Александровича Портенко (ученика Петра Петровича Сушкина) был зачислен в состав Камчатской комплексной экспедиции. В эту же экспедиционную группу был включён и Александр Александрович Кищинский, впоследствии известный и успешный исследователь птиц крайнего северо-востока Азии (увы, безвременно ушедший из жизни). Вместе со своим наставником они в течение шести месяцев работали в Корякском нагорье на севере Камчатской области – территории с совершенно не изученной фауной.

Зиму 1960/61 года Виталий Андреевич провёл в ЗИНе, где помогал Леониду Александровичу в обработке корякского материала и одновременно приобрёл опыт работы с научными коллекциями птиц. Полевой сезон 1961 года его застал совершенно в другом месте: на Амуро-Зейском плато к северу от Благовещенска, где он в качестве лаборанта известного орнитолога Ирэны Анатольевны Нейфельдт приобщился к другому разделу орнитологии – изучению экологии птиц.

Эти две области орнитологии: фаунистика, предполагающая безупречное знание птиц в природе и умение собирать коллекционный материал, и биология птиц во всех её проявлениях, – явились определяющими в его профессиональных интересах.

Виталий Андреевич Нечаев.
Устье реки Раздольной, июль 2011 года. Фото Е.Б.Волынец.

В сентябре 1961 года Виталий Андреевич поступил в аспирантуру к легендарному дальневосточному зоогеографу Алексею Ивановичу Куренцову. Ему на выбор были предложены две темы: изучение орнитофауны высокогорий Сихотэ-Алиня или южных Курильских островов. В.А.Нечаев выбрал вторую, и по указанию тогдашнего председателя

Президиума ДВФ СО АН СССР Александра Степановича Хоментовского его отправили в 15-месячную командировку на Курильские острова. По-видимому, это был уникальный случай в практике аспирантуры. Но именно это позволило начинающему исследователю собрать обширный материал не только по фауне и гнездованию птиц, но и по их сезонным миграциям и зимовкам на островах.

В октябре 1964 года с представлением рукописи диссертации он заканчивает аспирантуру, в июле 1965 года успешно защищает диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук, а в 1969 году в Ленинградском отделении издательства «Наука» публикует свою первую книгу по теме диссертации: «Птицы Южных Курильских островов».

Это было время первых итогов экспансии академической науки в восточные районы нашей страны: появились первые научные институты, рабочие вакансии, первые выпускники Дальневосточного университета (до того – Владивостокского педагогического института), и стало складываться местное сообщество орнитологов.

Виталий Андреевич много работает в поле в Приморье и энергично публикует научные работы в местных и центральных изданиях и за рубежом – в Германии. В 1971 году у него появилась возможность приступить к работам на Сахалине. Обширнейшие коллекционные сборы, огромный и совершенно оригинальный материал по экологии птиц – таков научный итог 17 полевых сезонов в разных районах острова. В 1993 году, в очень нелёгкое время для академической науки в издательстве «Дальнаука» выходит его фундаментальная (749 страниц!) сводка «Птицы острова Сахалин», изданная при спонсорской поддержке «Амуру-Уссурийского центра биоразнообразия птиц». Два года спустя по этой работе В.А.Нечаев защищает докторскую диссертацию.

Далее опять полевые работы, в том числе две поездки на Курильские острова, но главное – работа за письменным столом. Число его строго научных публикаций (статей) – более 500, а монографий, авторских и коллективных – 20. В частности, он являлся постоянным автором многолетнего и многотомного проекта «Птицы СССР», потом превратившегося в «Птицы России и сопредельных регионов», начиная с первого тома, опубликованного ещё в 1982 году. Его книги о птицах Курильских островов и Сахалина были переведены в Японии.

Вклад Виталия Андреевича Нечаева в изучение птиц Дальнего Востока был отмечен дипломом лауреата премии Дальневосточного отделения Российской Академии наук имени выдающихся учёных. В данном случае это была премия имени профессора А.И.Куренцова.

Накопленный В.А.Нечаевым профессиональный опыт позволил ему проявить себя и в иной ипостаси: интересно и популярно писать о дальневосточных птицах. Из числа последних можно назвать его книгу «На Сахалине и Курильских островах. Рассказы о птицах» (2012).

Виталий Андреевич Нечаев. Село Покровка, Октябрьский район Приморского края, поездка за кирказоном приречным. Июль 2009 года. Фото О.В.Наконечной.

И два слова о нечаевском «хобби». Это, безусловно, флористика. Виталий Андреевич безупречно знал растения Уссурийского края, Сахалина и Курильских островов и из своих экспедиционных поездок он всегда возвращался с большими гербарными сборами. Видимо, сказалось его «ботаническое» происхождение. Кстати, его младший брат стал профессиональным ботаником.

Тиссовая синица *Parus varius*.

В России эта птица живёт только на Южных Курильских островах, орнитофауна которых была детально изучена В.А.Нечаевым..
Остров Кунашир. 13 июня 2017. Фото И.И.Уколова.

Возможно, всё это вместе взятое и привело Виталия Андреевича к мысли провести детальные исследования на примере дальневосточных растений и птиц феномена орнитохории – взаимополезных адаптаций у птиц и растений, связанных с распространением семян. На протяжении последних трёх лет в его годовых отчётах постоянно указывались подобные текущие обзоры-публикации – его одного либо в соавторстве с братом. В итоге должна была быть книга. Но мы не знаем, будет ли она...

Л и т е р а т у р а

Нечаев В.А. 1969. *Птицы Южных Курильских островов*. Л.: 1-248.

Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.

Нечаев В.А. 2012. *На Сахалине и Курильских островах. Рассказы о птицах*. Владивосток: 1-206.

Валентин Дмитриевич Коханов (1934-2017)

И.А.Зимин

Илья Андреевич Зимин. Мурманск, Россия. E-mail: ilya-zimin-89@mail.ru

Поступила в редакцию 10 марта 2018

24 мая 2017 года ушёл из жизни Валентин Дмитриевич Коханов. Он прожил длинную жизнь, увлечённо занимаясь любимым делом — изучением птиц. В.Д.Коханов внёс большой вклад и в саму науку орнитологию, и в популяризацию наших знаний о птицах и природе.

Валентин Дмитриевич Коханов (1934-2017).

Родился Валентин Дмитриевич 10 июня 1934 года в городе Красногоровке Сталинской (ныне Донецкой) области. В 1957 году он приехал в Кандалакшу и остался на всю жизнь работать в Кандалакшском заповеднике. Начиная работу в заповеднике наблюдателем, потом был лаборантом, а в 1960-1964 годах — заведующим музеем. Хорошо освоил искусство таксидермии, сделанные им чучела до сих пор украшают экспозицию музея заповедника.

В 1961 году В.Д.Коханов стал студентом биологического факультета Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. После окончания института в 1967 году он остался в Кандалакшском заповеднике и продолжил работать младшим научным сотрудником, а с 1967 года — старшим научным сотрудником.

Валентин Дмитриевич прекрасно знал птиц, хорошо различал их по голосам и обладал необыкновенным умением находить гнёзда даже самых скрытных видов. Особенно его привлекали редкие и малоизу-

ченные птицы. Так, им написаны самые обстоятельные в нашей литературе очерки гнездовой биологии клестов *Loxia curvirostra* и *L. pytyopsittacus* (Коханов, Гаев 1970) и кукушки *Perisoreus infaustus* (Коханов 2006), а также много сообщений о новых, редких и малоизученных видах (Коханов и др. 1970; Шкляревич, Коханов 1980; Коханов 1967, 1989, 1990а,б, 1993, 1998, 1999а,б, 2003, 2004, 2005, 2008, 2012 и др.).

Свои полевые исследования Валентин Дмитриевич в основном вёл на острове Великий в Кандалакшском заливе. Но при этом он обследовал всю территорию Кандалакшского заповедника, в том числе Айновы острова (Коханов, Скокова 1967, а также не заповедные части Кольского полуострова. Принимал активное участие в работах по изучению миграций птиц на Белом и Баренцевом морях (Бианки и др. 1975; Коханов 1981, 1983; и др.). Был в экспедициях по Кольскому полуострову, Белому морю, работал на Югорском полуострове и острове Вайгач (Карпович, Коханов 1967). При составлении сводки по птицам Кольско-Беломорского региона (Бианки и др. 1993) вклад В.Д.Коханова оказался очень существенным. Всего же Валентин Дмитриевич опубликовал более сотни научных работ*.

Приезжая во время отпусков в свою родную Красногоровку, В.Д.Коханов и там вёл систематические орнитологические наблюдения (Коханов 1965, 2000, 2014). После ухода в 1996 году на заслуженный отдых он вернулся на Донбасс и продолжил там свои орнитологические изыскания. Не терял он связи и с Кандалакшским заповедником, время от времени приезжая сюда и проводя наблюдения и учёты птиц.

Много времени и сил Валентин Дмитриевич отдавал и научно-просветительской деятельности. Будучи членом общества «Знание», он регулярно читал лекции о природе для школьников и жителей города Кандалакши и других населённых пунктов Кандалакшского района. Вёл занятия по птицам в юннатском кружке. Опубликовал множество статей о природе в местных газетах, выступал по радио. Написал две научно-популярные книги: «Певцы зимнего леса» (1976) и «От весны до весны» (1997).

Литература

- Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринкова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. Птицы Кольско-Беломорского региона // *Рус. орнитол. журн.* **2**, 4: 491-586.
- Бианки В.В., Коханов В.Д., Скокова Н.Н. 1975. Осенний пролёт водоплавающих птиц на Белом море // *Тр. Кандалакшского заповедника* **9**: 3-76.
- Карпович В.Н., Коханов В.Д. 1967. Фауна птиц острова Вайгач и северо-востока Югорского полуострова // *Тр. Кандалакшского заповедника* **5**: 268-338.
- Коханов В.Д. 1965. Изменение фауны и образа жизни птиц в пригородной зоне г. Донецка за последние 15 лет // *Материалы 4-й Всесоюз. орнитол. конф.* Алма-Ата: 190-192.

* Список научных и научно-популярных публикаций В.Д.Коханова см.:
https://www.kandalaksha-reserve.org/people/people_nauka_files/koxanov_biblio.htm

- Коханов В.Д. 1967. О сроках и характере пребывания гаги-гребенушки на Мурмане и на Белом море // *Тр. Кандалакшского заповедника* 5: 40-48.
- Коханов В. Д. 1976. *Певцы зимнего леса*. Мурманск: 1-69.
- Коханов В.Д. 1981. Особенности миграции синьги и морянки на Белом море и Балтике // *Материалы 10-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига, 1: 129-142.
- Коханов В.Д. 1983. Особенности летней миграции синьги в различных районах Белого моря // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграции птиц* 16: 14-23.
- Коханов В.Д. 1989. Большой улит на островах Кандалакшского залива // *Растительный и животный мир заповедных островов*. М: 44-56.
- Коханов В.Д. 1990а. Материалы по экологии лесной завирушки и желтоголового королька в Мурманской области // *Наземные позвоночные в заповедниках Севера европейской части РСФСР*. М: 87-97.
- Коханов В.Д. 1990б. К экологии серого сорокопута и свиристеля в Мурманской области // *Наземные позвоночные в заповедниках Севера европейской части РСФСР*. М: 97-115.
- Коханов В.Д. 1993. Гнездование малой чайки *Larus minutus* на Кольском полуострове // *Рус. орнитол. журн.* 2, 2: 256-257.
- Коханов В.Д. 1997. *От весны до весны*. Мурманск: 1-191.
- Коханов В.Д. 1998. О гнездовании малой гаги *Polysticta stelleri* в Кандалакшском заливе Белого моря // *Рус. орнитол. журн.* 7 (31): 7-8.
- Коханов В.Д. 1999а. Дополнения к орнитофауне Карелии // *Рус. орнитол. журн.* 8 (58): 3-8.
- Коханов В.Д. 1999б. Каролинский погоньш *Porzana carolina* — новый вид в орнитофауне России // *Рус. орнитол. журн.* 8 (58): 17-18.
- Коханов В.Д. 2000. К итогам полувекового изучения орнитофауны окрестностей Красногоровки близ Донецка // *Птицы бассейна Северского Донца* 6/7: 40-48.
- Коханов В.Д. 2003. К распространению и экологии желтоголовой трясогузки *Motacilla citreola* на европейском Севере СССР // *Рус. орнитол. журн.* 12 (245): 1351-1352.
- Коханов В.Д. 2004. Зеленушка *Chloris chloris* на крайнем северо-западе России // *Рус. орнитол. журн.* 13 (260): 406-409.
- Коханов В.Д. 2005. К истории распространения и характеру пребывания синехвостки *Tarsiger cyanurus* в Восточной Европе // *Рус. орнитол. журн.* 14 (281): 212-214.
- Коханов В.Д. 2006. Экология кукши *Perisoreus infaustus* в Мурманской области // *Рус. орнитол. журн.* 15 (307): 39-52 [1982].
- Коханов В.Д. 2008. Овсянка-крошка *Emberiza pusilla* на Европейском Севере СССР // *Рус. орнитол. журн.* 17 (416): 696-698.
- Коханов В.Д. 2012. Новые и малоизвестные гнездящиеся птицы Мурманской области // *Рус. орнитол. журн.* 21 (775): 1653-1654.
- Коханов В.Д. 2014. Новые сведения по орнитофауне окрестностей Красногоровки (близ Донецка) // *Рус. орнитол. журн.* 23 (1088): 4162-4165.
- Коханов В.Д., Гаев Ю.Г. 1970. Материалы по экологии клестов в Мурманской области // *Тр. Кандалакшского заповедника* 8: 236-274.
- Коханов В.Д., Скокова Н.Н.. 1967. Фауна птиц Айновых островов // *Тр. Кандалакшского заповедника* 5: 185-267.
- Коханов В.Д., Татаринкова И.П., Чемякин Р.Г. 1970. Материалы по биологии скандинавского горного конька // *Тр. Кандалакшского заповедника* 8: 275-291.
- Шкляревич Ф.Н., Коханов В.Д. 1980. Встречи северной олуши (*Sula bassana*) в Белом море и на Мурмане // *Экология птиц морских побережий*. М.: 87-88.

Евгений Павлович Спангенберг (1898–1968) (материалы к биографии)

Т.К.Джусупов

Талгат Каисарович Джусупов. Мензбировское орнитологическое общество.

E-mail: str777nik@yandex.ru

Поступила в редакцию 1 марта 2018

25 февраля 2018 года исполнилось 120 лет со дня рождения Евгения Павловича Спангенберга – известного советского орнитолога и талантливого популяризатора науки, на бессмертных «Записках натуралиста» которого выросло не одно поколение зоологов СССР. Описание жизненного и научного пути Е.П.Спангенберга сделали в своё время В.Е.Флинт и Р.Л.Бёме (1971). В их работе приведена и почти полная библиография научных и научно-популярных работ Евгения Павловича. В данном сообщении мне хочется поделиться с читателями несколькими фотографиями, представляющими исторический интерес, так как на них изображены реальные герои книг Евгения Павловича Спангенберга. Я благодарен В.Е.Спангенбергу и В.В.Ризену за предоставление этих снимков.

Евгений Павлович Спангенберг (25.02.1898 – 25.07.1968).

Далёкий предок Е.П.Спангенберга – Мартин Петрович Шпанберг (Спанберг) родился 31 декабря 1696 года в Рибе (Датская Голштиния), а умер 15 сентября 1761 года в Кронштадте. Мореплаватель, капитан первого ранга (1738 год), участник Первой и Второй Камчатских экспедиций, исследователь северной части Тихого океана и Курильских островов.

Мартин Петрович Шпанберг (1696–1761). Из интернета.

Гаудик.

Оленегонная лайка Гаудик – легендарный пёс-охотник, друг и помощник Е.П.Спангенберга в его довоенных экспедициях! Известный натуралист с большой любовью и нескрываемым уважением вспоминал Гаудика в своих мемуарах. Немало редчайших птичьих гнёзд нашёл Евгений Павлович благодаря этой поистине талантливой собаке!

В «Записках натуралиста» есть рассказ «Вася». Вот небольшая выдержка из него: «В летние месяцы 1947 года я проводил исследовательскую работу на Рыбинском водохранилище в Дарвинском государственном заповеднике. Уехал туда в конце мая и, поселившись со всей

семьей в отдельном деревенском домике, прожил, кажется, до конца августа. В этом заповеднике я и познакомился с подростком Васей. Замечательный мальчишка! Удивительные способности выполнять любые поручения с неподдельным удовольствием и весельем – не раз думал я, присматриваясь к жизнерадостному и энергичному мальчугану. Особенно любил он ездить со мной, потому что без охотничьего ружья я никогда не отправлялся на экскурсию: вдруг попадётся что-нибудь интересное, а ружья нет. Поездив несколько раз с Васей, я наконец понял, что охота для этого мальчугана – самое большое удовольствие, а охотничье ружье – заветная мечта». На фотографии, представленной ниже, Вася Ризен с товарищем после удачной охоты в деревне Борок. На плече у него одностволка, купленная ему Е.П.Спангенбергом как первое ружьё.

После удачной охоты. Справа – Вася Ризен (с собакой).
Дарвинский заповедник, деревня Борок. Конец 1940-х годов.

Через несколько лет Василий Ризен при содействии Спангенберга купил себе бельгийское охотничье ружьё. Юноша специально приехал в столицу, чтобы на накопленные деньги приобрести себе «настоящую» двустволку для своих охот! После смерти Василия Андреевича «бельгийка» по наследству перешла его внуку – В.В.Ризену, который любезно поделился со мной фотографией этого ружья.

«Настоящая» двустволка Василия Андреевича Ризена —
«бельгийка» 16-го калибра с кованными стволами из дамасской стали.

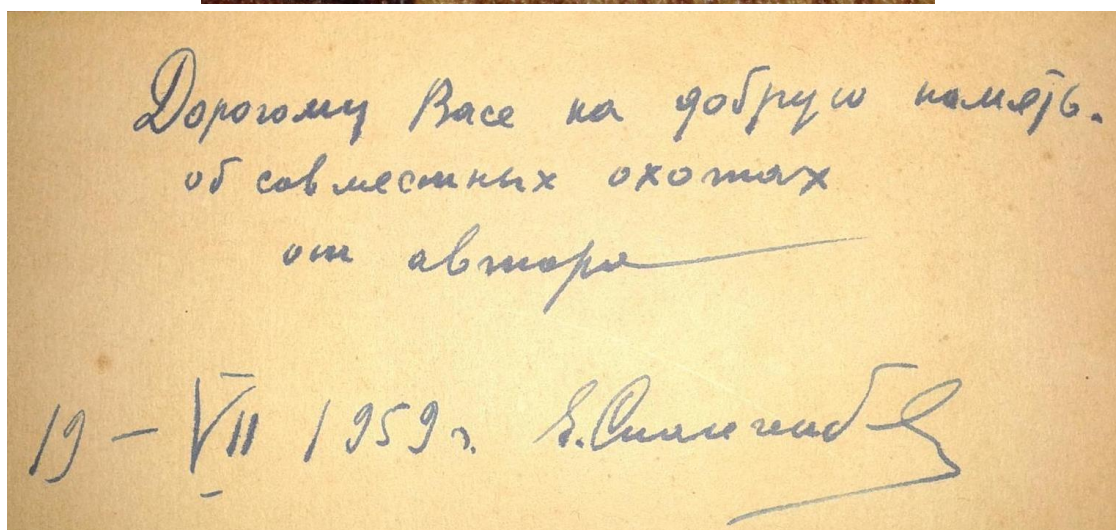
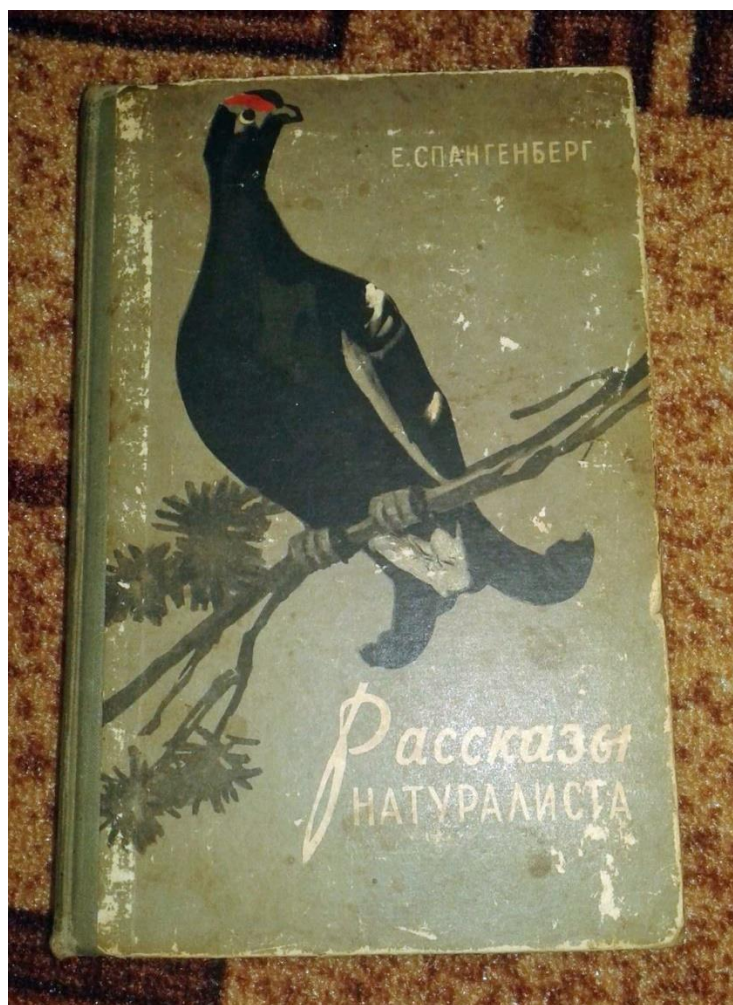
Василий Ризен с мамой Еленой Генриховной. Середина-конец 1950-х годов.

В.А.Ризен на всю жизнь остался верен природе и охоте. Он многие годы работал охотоведом, а затем возглавлял Уломское охотничье хозяйство Военно-охотничьего общества. В последние годы, будучи на пенсии, Василий Андреевич оставался заядлым охотником по перу и с гончими. До последних дней он был бодр, его кончина 28 июня 2017 года была совершенно неожиданной для близких, родных и знакомых.

Василий Андреевич Ризен в последние годы своей жизни

Василий Андреевич любил вспоминать и предаваться рассказам о былом, в том числе и о своей большой дружбе с Евгением Павловичем Спангенбергом. Охотовед на всю жизнь сохранил в памяти те дни, что он провёл в компании с маститым натуралистом. Кто его знает, как бы сложилась жизнь у Васи Ризена, не повстречай он в Дарвинском заповеднике Евгения Павловича!

Книга, подаренная Василию Ризену Евгением Павловичем Спангенбергом.

Литература

Спангенберг Е.П. 1964. *Записки натуралиста*. М.: 1-706.

Флинт В.Е., Бёме Р.Л. 1973. Памяти Евгения Павловича Спангенберга // *Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та* 14: 39-49.

К биологии и распространению большого скального поползня *Sitta tephronota* в горах Каратау

В.Г.Колбинцев

Второе издание. Первая публикация в 2004*

В условиях горной страны Сырдарьинского Каратау большой скальный поползень *Sitta tephronota* (рис. 1, 2, 7) распространён практически повсеместно. Состояние его популяции в регионе в середине XX века и некоторые особенности биологии очень кратко и образно описаны И.А.Долгушиным (1951) в работе, посвящённой результатам его каратауской экспедиции 1941 года: «За исключением северо-западного конца хребта, где скалистый поползень не найден ни Шапошниковым, ни нами, этот вид широко распространён в Каратау, будучи всюду обыкновенным, а местами и многочисленным. Кашкаров в ряде работ особенно подчёркивает многочисленность скалистого поползня. Повсюду этот вид придерживается скал, но насколько удалось заметить, встречается лишь в нижней половине гор, не поднимается выше 1500 м над уровнем моря. Гнёзда скалистого поползня встречались нам много раз, но не одно из них не было нами осмотрено, так как помещались они на совершенно отвесных уступах и довольно высоко. По косвенным наблюдениям можно полагать, что к гнездованию этот вид приступает рано. Так, ещё 2 апреля в горах Улькун Бурултау мы наблюдали самца поползня, кормившего самку в гнезде. Около середины мая в некоторых гнёздах в долине Боялдыра были уже птенцы».

Автор этих слов был совершенно прав, говоря о раннем гнездовании больших скальных поползней в этом регионе. В одном из каньонов на самом юге Каратау, в районе Улькун Бурултау, где плотность популяции этих птиц является самой высокой, 6 апреля 1988 нам удалось найти три жилых гнезда, к которым к тому же было не сложно подобраться.

Мы проверили эти гнёзда, высверлив сбоку и чуть ниже у входа в постройку сквозное отверстие, так, чтобы туда можно было пустить луч фонарика, заглянуть, осмотреть содержимое и заткнуть затем кусками материи. В первом гнезде было найдено 2 свежих яйца. Во втором гнезде кладки не было, но там находилась взрослая птица, которая при сложившейся ситуации упорно отказывалась покидать помещение. В

* Колбинцев В.Г. 2004. К биологии и распространению большого скалистого поползня в горах Каратау // Каз. орнитол. бюл.: 193-196.

третьем гнезде была полная кладка из 8 яиц (нежно-розового цвета с красноватыми пестринами) и насиживающая их самка.

Рис. 1. Большой скальный поползень *Sitta tephronota*. Каратау, Каменная балка.
31 мая 2013. Фото Е.Белоусова.

Рис. 2. Большой скальный поползень *Sitta tephronota*.
Каменная балка. 6 марта 2016. Фото М.Нукусбекова

Пожалуй, наиболее интересным вопросом изучения биологии большого скального поползня остаются причины мало известных нам аспектов эволюция и организации их оригинального гнезда (рис. 3-5).

Рис. 3. Гнездо большого скального поползня *Sitta tephronota*.
Малый Картау. 22 марта 2014. Фото М.Нукусбекова.

Рис. 4. Большой скальный поползень *Sitta tephronota* у входа в гнездо.
Малый Картау, ущелье Каменная балка. 6 марта 2016. Фото М.Нукусбекова.

Рис. 5. Гнёзда большого скального поползня *Sitta tephronota*.
 Слева – Каратау, 5 августа 2017, фото А.Исабекова.
 Справа – Каратау, Каменная балка, 19 марта 2015, фото Е.Белоусова.

Во-первых, гнездо скального поползня – это не просто постройка для вывода птенцов, это самый настоящий и очень крепкий дом, иногда пудового веса, почти в 500 раз тяжелее самих птиц! Жилище внутри у них очень мягкое, хорошо утеплённое и используется десятками лет. Такой подход вполне оправдывает огромные физические затраты на его строительство, ежегодный ремонт, а иногда и значительную реконструкцию.

Во вторых, какова же биологическая роль наружных украшений гнезда, а также некоторого пространства вокруг него. Почему они используют для этого разнообразные останки насекомых (с предупреждающим сочетанием красного и чёрного), крылья бабочек (дневной павлиний глаз *Vanessa io*) и стрекоз, переломанные перья птиц, шкурки змей и даже мумии мелких птиц (Долгушин и др. 1972).

В третьих, чем объяснить, что яйца у скального поползня имеют пятнистость, когда нет необходимости в их камуфляже?

Напрашивается вывод, что так называемые «украшения» гнёзд скального поползня вовсе не украшения, а устрашающие репелленты для отпугивания каких-то нежелательных агрессоров. Остаётся только догадываться, кто же является таким серьёзным врагом этих птиц. Анализ используемого поползнями оборонительного материала показывает, что этот враг должен иметь отношение к насекомым и быть хорошо с ними знаком, по размерам он должен быть способным проникать в гнездо поползня через узкую его горловину, обладать цветным зрением и бояться быть укушенным или съеденным змеями (?). Возможно поползни также имитируют жилье или место кормёжки довольно крупного хищника, такого как филин *Bubo bubo* – вокруг исковерканные перья, «недоеденная птица, так и оставшаяся замурованной среди отбросов». Перебирая возможные варианты соседствующих с большими скальными поползнями млекопитающих и птиц, наш выбор остано-

вился на домовом сыче *Athene noctua*, распространение и местообитания которого в значительной степени перекрываются с таковыми у первого, по крайней мере, в условиях нашего региона. В орнитологической литературе даже имеется указание о занятии домовыми сычами построек скального поползня для размещения в нём своей кладки (Гаврин 1962). Главное, что домовые сычи могут расширять норы птиц в глинистых обрывах и легко вкапываться в твёрдый грунт своими мощными когтями. По всей видимости, домовые сычи совершают нападения на гнёзда поползней в сумерках и ночью, блокируя птиц на выходе из гнезда. Возможно, по этой причине было сложно выгнать птицу из второго нашего гнезда в Карасае; похоже, она просто ждала кульминации вторжения и возможности использования знакомого ей последнего тактического хода в сложившейся у гнезда ситуации. Дополнительным подтверждением логики нашей гипотезы являются особенности звуковой коммуникации больших скальных поползней и домового сыча. Вероятно, они используют свой громкий крик для отвлечения этих сов в ложном направлении, и наоборот. Ритмика, тона и тембры криков большого скального поползня и домового сыча, по нашему мнению, на слух очень похожи.

Окраска яиц большого скального поползня с яркой красновато-коричневой крапчатостью, очевидно, указывает на то, что предковые формы этого вида имели открытую форму гнезда. Полная осёдлость (по крайней мере, в Каратау) этих реликтовых, на наш взгляд, птиц выражается в привязанности их к многолетним гнёздам, а эволюционный процесс замены открытого гнезда на закрытое происходил относительно недавно — в эпоху последнего оледенения. Мы считаем, что скальные поползни в современных немногочисленных и узко лимитированных районах своего обитания, к которым они максимально адаптированы, живут уже миллионы лет. Этим объясняется отсутствие этих поползней, вплоть до самой современности, в горах Турайгыр на левобережье реки Или (Березовиков, Беялов, Карпов 2002), где они эволюционировали изолированно и не смогли пережить оледенение. В «Птицах Семиречья» В.Н.Шнитников (1949) писал: «Поползень проявляет какую-то странную прихотливость в выборе мест для гнездования, и иногда трудно понять, почему он в одном месте живёт, а в другом отсутствует. Он явно избегает местностей с суровым климатом больших высот, предпочитая районы с климатом более мягким <...> он старается тут устроиться, выбирая уголки, где потеплее». Кроме того, вполне вероятно, что в доледниковое время так называемые «украшения» гнезда скального поползня имели важное значение во взаимоотношениях его с домовым сычом или какой-то его предковой формой.

В пределах Малого Каратау большой скалистый поползень, как гнездящийся вид, нами был найден в следующих пунктах, ущельях и

долинах (рис. 6): 1 – Беркуты, 2 – Шабакты, 3 – Коктал, 4 – Чулактау, 5 – Орта Сунгу, 6 – Боролдай и Кошкарата, 7 – Тутубулак, 8 – Бокейтау, 9 – Сулусай, 10 – Аксакалсай, 11 – Шимырбайсай, 12 – Беркара, 13 – Саясу, 14 – Ботакара, 15 – Алмалысай, 16 – Жасалы, 17-18 – Карасаи (I, II, III), 19 – Кандымсай, 20-23 – северный и южный склоны горы Улькун Бурултау. Кроме того, в Северном Каратау популяции были зарегистрированы в горах Кенчектау, каньоне Кенсаз (Ачисайский перевал), Берисеке и Боялдыре на западе, Каракуре – на востоке и на перевале Бажи – на севере гор, уже против Сузака. Южнее нашего региона большой скальный поползень встречается в нижнем поясе гор в заповеднике Аксу-Джабаглы (Ковшарь 1966), преимущественно у западных и северных его границ. В высокие горы он здесь также не заходит, где его распространение лимитировано горизонталью, очевидно, чуть выше 1500 м над уровнем моря.

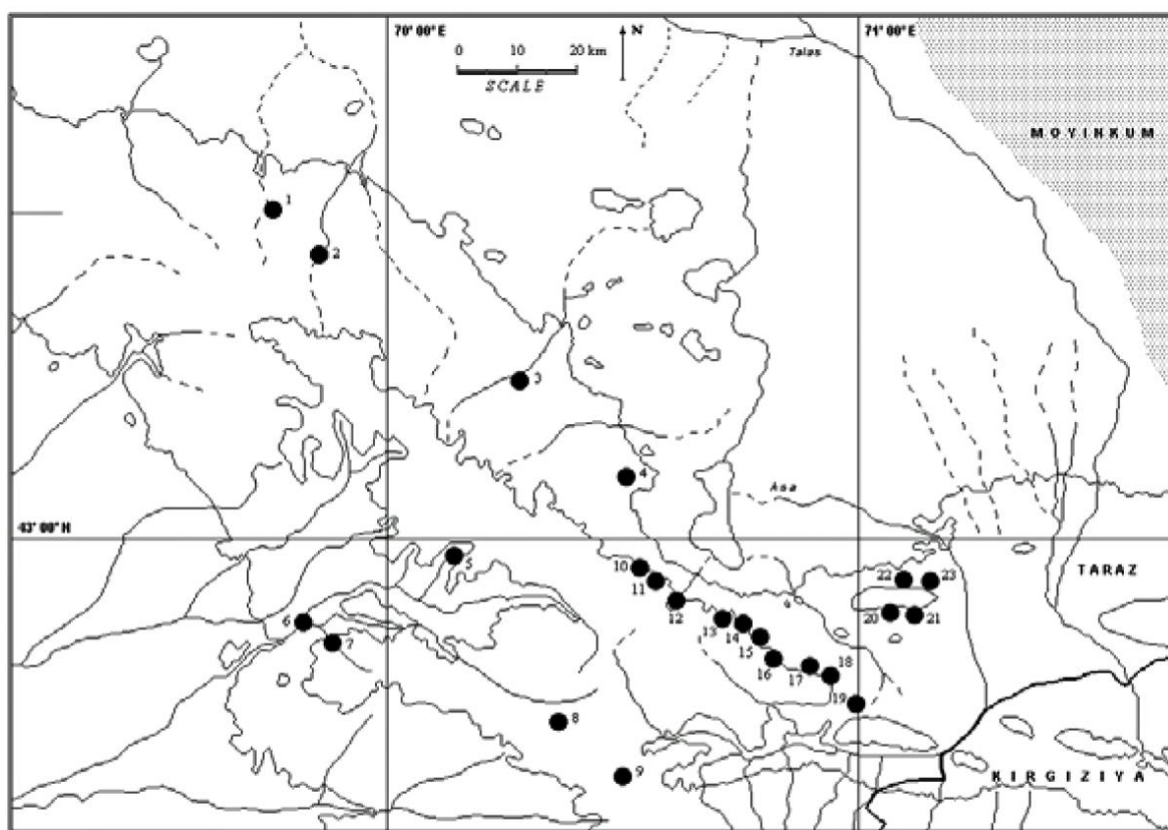

Рис. 6. Характер гнездового распространения большого скального поползня *Sitta tephronota* в горных районах Малого Каратау.

Ориентировочная численность больших скальных поползней в целом в пределах гор Малого Каратау, по нашим оценкам, составляет около 100 гнездящихся пар. Наибольшая плотность населения этих птиц наблюдается в регионе, обращённом в сторону горы Улькун Бурултау (в трёх каньонах Карасаях) и на обоих склонах самой этой горы, где сконцентрировано около 30 жилых гнёзд – треть всей популяции этого вида в пределах всего Малого Каратау.

Рис. 7. Большой скальный поползень *Sitta tephronota*.
Малый Каратау. 5 августа 2017. Фото А.Исабекова.

Данный феномен пока что требует своего объяснения. Наблюдения, проведённые за отдельными гнёздами, косвенно характеризуют современное состояние популяции большого скального поползня в регионе, которое выглядит довольно стабильным. Так, за 21 год наблюдений у гнезда этих птиц (1983-2003) в каньоне Карасай они столько же раз здесь гнездились (успешность гнездования нам не известна). Кроме того, дважды за этот период скальные поползни радикально ремонтировали входную часть гнездовой постройки, которая, очевидно, была кем-то разрушена.

Литература

- Березовиков Н.Н., Беялов О.В., Карпов Ф.Ф. (2002) 2012. О летних находениях большого скального поползня *Sitta tephronota* в горах Турайгыр // *Рус. орнитол. журн.* **21** (745): 784.
- Гаврин В.Ф. 1962. Отряд совы // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 708-779.
- Долгушин И.А. 1951. К фауне птиц Каратау // *Изв. АН КазССР* **105**, сер. зоол. 10: 72-117.
- Долгушин И.А и др. 1972. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **4**: 1-368.
- Ковшарь А.Ф. 1966. *Птицы Таласского Алатау*. Алма-Ата: 1-435.
- Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-667.

О прижизненном определении пола и о соотношении полов у молодых скворцов *Sturnus vulgaris*

В.А.Паевский, В.Д.Ефремов

Второе издание. Первая публикация в 1972*

В последнее время в связи с развитием массового кольцевания всё большее внимание уделяется поискам внешних признаков пола и возраста птиц. Вопрос об определении пола у скворца *Sturnus vulgaris* по цвету клюва (у половозрелых птиц в сезон размножения) и по окраске радужной оболочки глаза (у птиц разного возраста во все сезоны) уже рассматривался. Данное сообщение преследует цель обсудить особенности применения второго из указанных критериев к птицам в возрасте 4-6 недель.

Стационарные рыбачинские ловушки на Куршской косе, действующие в течение всего летнего сезона, позволяют производить ежегодный массовый отлов скворцов во время их послегнездовых кочёвок. В один из дней наиболее массового отлова, 3 июля 1971, было поймано 2740 скворцов. У случайно погибших при этом отлове 195 молодых особей вскрытием был определён пол и зарегистрирован цвет радужины. Было обнаружено, что типичную окраску радужины (темно-коричневую у самцов и с желтовато-белым наружным краем у самок) имели 57.0% самцов (61 из 107 особей) и 96.6% самок (85 из 88 особей). Столь низкий процент достоверного определения пола у самцов среди молодых скворцов вызван довольно большим количеством особей этого пола (31 из 107), имеющих в возрасте до 6 недель специфическую серовато-голубоватую мутную окраску радужины. Примечательно, что данная окраска совершенно не встречалась у самок. Поскольку у скворцов в сентябре и октябре подобной окраски никогда не отмечалось, можно предположить, что этот серовато-голубоватый цвет радужины является возрастным, переходным признаком самцов, постепенно изменяющимся на типичный.

Среди остальных нетипичных по окраске радужины особей было зарегистрировано 5 (4.7%) самцов с очень узким белым краем радужины, 10 (9.3%) самцов и 3 (3.4%) самки с равномерно мутно-белой (без голубого оттенка) радужиной. Следовательно, ошибка в определении пола в этом возрасте может быть весьма значительной, и даже при ис-

* Паевский В.А., Ефремов В.Д. 1972. О прижизненном определении пола и о соотношении полов у молодых скворцов // Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф. Таллин: 85-87.

ключении вышеуказанных особей со специфической серовато-голубоватой радужиной, она может достигать 14%. У взрослых же скворцов, по данным разных исследователей, правильность определения пола по обсуждаемому критерию достигает обычно значений 94-97% у самцов и 37-99% у самок (Davis 1959; Parks 1962; Schwab, Marsh 1967).

Как следует из всего вышесказанного, при определении полового состава кочующих молодых скворцов всегда возможно значительное завышение количества самок. Рассмотрим в связи с этим материалы нашего отлова за 1970 и 1971 годы. По данным определения с употреблением типичных признаков окраски радужины, в 1970 году из 879 молодых особей было 53% самцов и 47% самок, в 1971 году из 3659 молодых особей – 54% самцов и 46% самок. Однако после вышеописанного анализа и выяснения половой принадлежности особей с серовато-голубоватой радужиной, процентное соотношение самцов и самок оказалось иным. Так, по данным за 4-7 июля 1971, из 563 молодых особей было 66% самцов и 34% самок. Несмотря на кажущуюся сомнительность столь высокого превышения числа самцов, ряд обстоятельств заставляет признать это соотношение более верным, нежели полученные ранее. Так, хотя среди погибших при отлове особей было 45% самок, это соотношение не отражает истинного, поскольку гибли в основном более слабые особи. Кроме того, среди самцов с нетипичной окраской радужины примерно 11% их легко принять за самок, что, вероятно, и имело место ранее. Пересчёты указанных ранее цифр с учётом этой ошибки также приводят нас к примерному соотношению 65% самцов и 35% самок. Трудно сказать, каковы причины подобного неравного соотношения. Сомнительно, чтобы явление это объяснялось разными областями кочёвок самцов и самок. Известно, что у ряда воробьиных часто отмечается несколько большее количество самцов (Lack 1954); у прибалтийских популяций некоторых видов это выражено весьма чётко. Среди октябрьских пролётных скворцов преобладание самцов менее выражено (53%), хотя миграция ещё не закончена, а в конце пролёта самцы обычно преобладают.

Серовато-голубоватая мутная окраска радужины у молодых скворцов в возрасте 4-6 недель свойственна только самцам. Значительное превышение количества самцов среди кочующих молодых скворцов у ряда популяций вполне вероятно.

Различия в поведении большой синицы *Parus major* и пухляка *Parus montanus* при выборе гнездовой территории

О.П.Смирнов

Второе издание. Первая публикация в 1972*

Сравнительное изучение территориального поведения больших синиц *Parus major* и пухляков *Parus montanus* проводилось в Ленинградской области с 1967 по 1971 год в лесном массиве площадью 400 га, расположенном вблизи посёлка Невская Дубровка на Карельском перешейке. В осенне-зимний период птиц здесь регулярно подкармливали семенами подсолнечника на стационарных и передвижных кормушках с целью выяснения их привязанности к территории во внегнездовое время.

В течение всего года птиц отлавливали, кольцевали и окрашивали раствором родамина, бриллиантовой зелени и пикриновой кислоты. Всего на участке за 4 года работы было окольцовано свыше 250 пухляков и 900 больших синиц, от которых получено соответственно 47 и 220 повторных отловов.

Для привлечения на гнездовья больших синиц в самых разных лесных биотопах ежегодно вывешивалось 50-100 домиков, изготовленных из досок. Большие синицы оказались довольно пластичными по отношению к выбору гнездового домика и заселяли синичники разных размеров от 90×90×150 до 250×1250×400 мм с лётными отверстиями от 30 до 70 мм в диаметре. За весь период работы на участке в 300 синичниках было зарегистрировано 85 гнёзд больших синиц.

Для привлечения пухляков в марте 1967 и 1968 годов было вывешено 54 дуплянки размерами 90×90×150 и 55×85×150 мм с летками 30 мм. Гнездовья развешивались в предпочитаемых этими гаичками станциях на расстоянии 30, 50 и 100 м друг от друга, без учёта участков обитания птиц. Ни один из вывешенных домиков пухляками не был заселён. В 1970 и 1971 годах гнездовья вывешивались непосредственно на гнездовой территории пары, которую определяли по песне самца и по реакции хозяев участка на вносимого в переносной клеточке подсадного пухляка. Из 14 развешенных таким образом домиков 7 оказались заселёнными пухляками.

Анализируя материалы кольцевания, результаты заселения птицами искусственных гнездовых и наблюдений в природе, можно прийти

* Смирнов О.П. 1972. Различия в поведении больших синиц и буроголовых гаичек при выборе гнездовой территории // Тез. докл. 8-й Прибалт. орнитол. конф. Таллин: 104-105.

к выводу, что у пухляков определяющим моментом выбора гнездовой территории служит подходящее место обитания, где в дальнейшем происходит отыскание трухлявого дерева, пригодного для изготовления дупла, т.е. территория выбирается первоначально, независимо от места расположения будущего гнезда. У больших синиц решающим моментом в образовании пары и закреплении гнездовой территории является дупло. Таким образом, гнездовая территория формируется у них после того, как будет найдено место для гнезда.

Заселение искусственных гнездовий пухляками происходит в тех случаях, когда дуплянка при развеске попадает на занятую парой этих птиц территорию и при условии, что на территории не окажется трухлявого дерева, где пухляки в состоянии самостоятельно выдолбить дупло для гнезда.

Большая привязанность пухляков к территории приводит к тому, что однажды сформировавшиеся пары сохраняются на всю жизнь, и после первого гнездового сезона они постоянно держатся вблизи избранного гнездового участка. У больших синиц пары образуются на сезон размножения, а гнездовой участок может меняться в зависимости от наличия дупла.

Установленные различия в поведении больших синиц и пухляков объясняют причины успеха мероприятий по увеличению плотности гнездования больших синиц методом развески искусственных гнездовий, в то время как увеличить численность гнездящихся пухляков подобным методом оказывается невозможным.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск 1590: 1569-1571

Опыт привлечения дуплогнездников в таёжные леса Карелии

В.Б.Зимин

*Второе издание. Первая публикация в 1966**

Работа выполнена в заповеднике «Кивач» и на окружающих его растающих вырубках. С 1959 по 1964 год здесь было вывешено около 1500 искусственных гнездовий. Цель работы – выявление видового состава привлекаемых птиц и изучение их экологии; исследование возможностей концентрации птиц-дуплогнездников на отдельных участ-

* Зимин В.Б. 1966. Опыт привлечения дуплогнездников в таёжные леса Карелии // *Материалы 6-й Прибалт. орнитол. конф.* Вильнюс: 69-71.

ках лесов, не предоставляющих им естественных убежищ для гнездования, а также изыскание методов упрощения и удешевления этого мероприятия применительно к условиям тайги.

Габариты гнездовий соответствовали размерам, рекомендованным в литературе (Благосклонов 1957; Михельсон 1958; Исаков, Немцев 1954). Кроме дощатых и долблёных гнездовий, начиная с 1963 года испытывались дуплянки, изготовленные на специально сделанном для этой цели станке. Он работал на основе электромотора, с ременной передачей на вал со сверлом. Весь процесс укрепления и высверливания заготовки на глубину до 220 мм занимал 25-30 с. Дуплянки делались из ели, сосны, берёзы и осины, однако в ходе работы по разным причинам от первых трёх пришлось отказаться.

Вопреки известному мнению о предпочтении птицами дощатых гнездовий, в условиях таёжных лесов Карелии наилучшие показатели заселения гнездовий получены для сверлёных дуплянок: максимальное заселение – 80%, среднее – 34.6%. Соответствующие значения для долблёных гнездовий составляли 36 и 25.8%, а для дощатых – 29.1 и 19.0%. Сравнение видового состава привлекаемых дуплогнездников в гнездовья типа «синичник» также склоняет нас в пользу первых.

Применённые типы гнездовий были заселены 12 видами птиц. В «синичниках» доминировала мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca* (664 гнезда). Обычными, но малочисленными видами были обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* (62) и большая синица *Parus major* (28). Гнездование остальных видов носило случайный характер: пухляк *Parus montanus* (6), хохлатая синица *Parus cristatus* (5), московка *Parus ater* (3), вертишейка *Jynx torquilla* (2). «Скворечники» удовлетворительно заселялись только в культурном ландшафте скворцом *Sturnus vulgaris* (51) и полевым воробьём *Passer montanus* (1). При развеске в лесу в них гнездились главным образом горихвостка и очень редко – мухоловка-пеструшка. Зимой в них регулярно хранили свои запасы воробьиные сычики *Glaucidium passerinum*. В дуплянках для уток отмечено гнездование гоголя *Bucephala clangula* (10) и единичные случаи гнездования большого крохали *Mergus merganser*, белой трясогузки *Motacilla alba*, скворца.

Отмечены некоторые различия в видовом составе и заселяемости однотипных гнездовий при развеске их в разных типах леса. В лиственничных сосновых борах в дуплянках гнездились 6 видов дуплогнездников, а общий процент заселённости составил 30.9%. Заселённость гнездовий (без учёта скворечников) составила 41.5%. 4 вида отмечены на гнездовании в синичниках среди ельников-зеленомошников (25.7% заселения). Все виды регулярно гнездились здесь до развески дуплянок. В дуплянках среди остальных биотопов гнездились по 3 вида, а заселённость гнездовий была от 40.3% в сфагновом сосновом криволесье

до 65.7% в разреженных лиственных молодняках и от 49% в сосняках-зеленомошниках до 51% в березняках. Развеской гнездовой в первых двух биотопах, кроме пухляка, гнездившегося здесь раньше, были привлечены мухоловка-пеструшка, горихвостка и большая синица; в двух последних видовой состав не изменился.

Количественные изменения для всех видов, кроме мухоловки-пеструшки, были незначительны. В отношении последней удавалось добиться значительной, по сравнению с естественной плотностью гнездования, концентрации птиц на отдельных участках развески дуплянок. Так, на опытном участке в ельнике-черничнике нормально гнездились 3 пары пеструшек, а после развески – до 26; в березняке-черничнике – до 19 пар против 1-2 при естественном обитании.

Из всех привлечённых видов лишь мухоловка-пеструшка и горихвостка заселяли искусственные гнездовья во всех биотопах без исключения. Скворец гнезвился только в культурном ландшафте, большая синица – на зарастающих вырубках, а в спелых насаждениях – главным образом в непосредственной близости от культурных ландшафтов; пухляк – исключительно среди молодняков. Хохлатая синица и москковка селились в гнездовьях, развешенных в типичных для них гнездовых биотопах – сосняки-зеленомошники для первой, ельники-черничники – для второй.

В опытах 1959-1962 годов гнездовья вывешивались на высоте 3-4 м, а позднее – в 1.5 м от земли. Существенной разницы в заселённости гнездовой при этом не отмечено. Однако при наличии более или менее густого подроста и подлеска «низкие» гнездовья заселялись птицами хуже.

Были поставлены также опыты по изготовлению искусственных дупел в полусгнившей берёзе, ольхе и осине. На возможность использования таких дупел в своё время указывал Благосклонов (1957), однако поддержки это предложение не получило. Мы делали дупла непосредственно в лесу с помощью простейших подручных инструментов (топор, долото, дрель). Из 40 дупел в первый год 4 было занято мухоловкой-пеструшкой и 2 горихвосткой. На второй год первая заселила 5, а вторая 3 дупла; ещё в одном вывела птенцов хохлатая синица.

Кроме того, нами была предпринята попытка привлечения пищухи *Certhia familiaris* в гнездовья Соколовского (по: Благосклонов 1957) и в специальные укрытия из коры, имитирующие наиболее распространённые в исследуемом районе места её гнездования. Однако ни один из этих методов положительных результатов не дал.

